

А
Леопольд Антонович Сулержицкий

Путь

Date: 22 января 2009

Изд: Сулержицкий Л. А. Повести и рассказы. Статьи и заметки о театре. Переписка. Воспоминания о Сулержицком. М., "Искусство", 1970.

OCR: Адаменко Виталий (adamenko77@gmail.com)

ПУТЬ

20 мая 1905 г.

Ряжск

Дебаркадер с провожающими друзьями почти скрылся, а я все еще размахиваю шляпой и, хотя уже никто из них меня не видит, по инерции стараюсь непринужденно улыбаться.

-- Прощайте, милые, дорогие, хорошие мои, -- шепчу я, глядя на быстро тающее пятно, над которым мелькает белый платок.

Внезапно на конце платформы появляется рослый, растрепанный рабочий. Грязным кулаком он грозит в мою сторону и, пошатываясь на длинных ногах, кричит:

-- Не махай, не махай!.. Все одно всех убьют... И тебя убьют, всех убьют, будь вы прокляты!

Что-то скребнуло по душе, и я по возможности весело крикнул ему:

-- Оттого и махаю, что убьют...

Однако после этого мне уже не хочется больше выглядывать в окно, ненужная улыбка сходит с лица, и сразу стало тяжело.

Почувствовалось настоящее положение вещей и то одиночество, в котором всегда оказывается человек, попадающий в серьезное положение, -- одиночество, в котором уже никакие друзья помочь не могут.

Передо мною почти месяц дороги, а там что-то непонятное, жуткое, что-то огромное, внушающее, несмотря на свою явную нелепость, одновременно и невольный страх и уважение. Уважение, сходное с тем, которое мы испытываем перед пожаром, грозой или наводнением.

Война! -- Ведь это такая же разрушительная, слепая в своей жестокости стихия, как и пожар или наводнение, внезапно врываются в жизнь людей и уносящие сразу, одним дуновением, все то, что создавалось сотни лет кропотливым трудом человека.

Война! -- И под колесами пушек, смятые грубым солдатским сапогом, гибнут те нежные, хрупкие ростки уважения к человеку, которое с таким трудом, ценой собственной жизни, воспитывали в человечестве его лучшие люди. Человек теперь мясо для пушек. Мясо -- и больше ничего.

Тысячи людей один за другим бросают свое дело и бегут, бегут, чтобы убивать и быть убитыми. Бегут и старые и молодые, забыв свое человеческое достоинство, свой разум, не спрашивая -- зачем и для кого они это делают.

Из окон смотрят больные, измученные глаза...

Мы встречаем уже четвертый поезд с ранеными. На белых и зеленых вагонах нарисованы красные кресты и написано: "Для тяжело больных и раненых", "Для легко больных и раненых".

Через окна видны лежащие в одном белье люди. Загорелые, обросшие бородами лица смотрят угрюмо и серьезно. Молодой парень с забинтованной головой, шеей и щекой, с распухшим, перекошенным лицом, уныло смотрит на нас. Дальше -- руки, на перевязях, черные, блестящие костыли, забинтованные ноги... В дверях устало сидит сестра милосердия с засученными рукавами и внимательно приглядывается к нашему поезду, -- не попадется ли знакомое лицо?

Офицеры, едущие с нашим поездом на Восток, стоя на ступеньках вагонов, сосредоточенно рассматривают раненых.

Оба поезда как-то подавленно молчат. В тишине слышно только раздражающее шипение

А